

Чарская Лидия Алексеевна

Смелые, сильные, храбрые

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Смелые, сильные, храбрые / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 302 с.

ISBN 978-5-521-29810-5

ISBN 978-5-521-29810-5

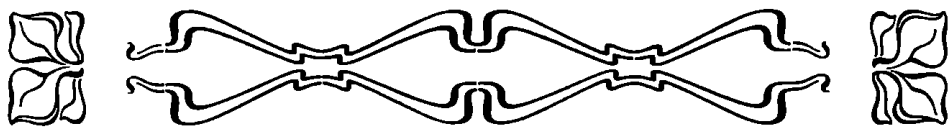
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Долой Перуна!

I.

— Клянусь богами, я не бывалъ еще въ такой глуши!—Этотъ возгласъ вырвался изъ груди стройнаго голубоглазаго юноши, пробиравшагося вслѣдъ за своимъ спутникомъ въ самую чащу густого, дремучаго лѣса.

И юноша и его спутникъ были одинаково одѣты въ алые терлики ¹⁾, подпоясанные ременными съ медными бляхами поясами, въ широкіе порты изъ греческаго сукна, высокіе сапоги изъ звѣриной кожи, съ блестящими шлемами на головахъ. Эти шлемы и короткіе мечи, заткнутые у нихъ за поясъ, да болтавшіеся за спиной саданы со стрѣлами указывали на принадлежность обоихъ спутниковъ къ войнамъ князей дружины.

Старшій изъ нихъ былъ суровъ и мраченъ на видъ. Угрюмое, хотя и молодое лицо, густые нахмуренныя брови надъ пронизательными ястребиными глазами, плотно сомкнутыя губы, казалось, не знавшія улыбки, длинные отвислые усы, высокій ростъ, богатырская грудь и широкія плечи, все это невольно внушало страхъ и уваженіе къ молодому воину.

Младшій путникъ былъ полной противоположностью старшему. Не смотря на трудный путь среди

¹⁾ Родъ короткихъ кафтановъ.

зарослей лѣса и на усталость, его открытое пригожее лицо, такъ и сіяло юношескимъ задоромъ, искрящейся веселостью и молодой отвагой. Сіяли ясные, какъ небо глаза юноши, улыбались румяныя губы, а мягкія русыя кольца кудрей, выбиваясь изъ-подъ шлема, окружали, словно живой рамой, его красивое лицо. Стройный гибкій, какъ молодой лъвенокъ, онъ то отчаянно пробивался сквозь чащу деревьевъ, и кустовъ работая короткимъ топорикомъ и при его помощи расчищая дорогу себѣ и своему спутнику, то останавливался, какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ, прислушиваясь къ звукамъ, долетавшимъ до его ушей изъ глубины лѣса.

Этотъ лѣсъ, густой, почти дѣвственный и непроходимый, со всѣхъ сторонъ окружалъ ихъ. Могучіе исполины дубы, столѣтнія ивы, бѣлостволья огромныя березы и кусты орѣшника преграждали имъ путь. Полумракъ господствовалъ въ лѣсу, не смотря на то, что еще оставалось довольно времени до захода солнца. Но вѣтви деревьевъ, сплетаясь между собою, образовали куполъ тамъ въ вышинѣ, непроницаемый для лучей дневного свѣтила.

Оба путника съ большимъ рвеніемъ пробивали себѣ дорогу. Сучья и вѣтки деревъ то и дѣло валились на землю подъ взмахами сильныхъ рукъ, вооруженныхъ топорами. Особенно старался младшій: казалось, онъ съ каждымъ взмахомъ топора посылалъ вызовъ гордому старому лѣсу, ревниво оберегающему свои твердыни. Его лицо разгорѣлось, заалѣло густымъ румянцемъ... Глаза сверкали. Шлемъ съѣхалъ на затылокъ... Онъ былъ чудно хорошъ въ эти минуты. Вдругъ громкій рѣзкій крикъ прозвучалъ по лѣсу и раскатистымъ хохотомъ замеръ вдали. Юноша выронилъ изъ рукъ топоръ и замеръ на мѣстѣ.

— Великъ Перунъ, — прошепталъ онъ въ смятеніи, — ты слышалъ братъ Свѣнельдъ?

— Это крикъ дива! ¹⁾ спокойно отвѣчалъ ему старшій путникъ.—Или ты не слышалъ его никогда?

— Не доводилось!—разомъ успокоиваясь, и смущаясь за свой недовольный испугъ произнесъ застѣнчиво юноша и, какъ-бы оправдывая себя добавилъ, помолчавъ немного:

— И въ такой глуши еще не доводилось мнѣ бывать доселѣ!

— Твоя правда, братъ Олегъ. Здѣсь самая непроходимая чаща. Небось, самъ лѣсной дѣдушка не продерется сквозь нее... А темень-то какая! Не проникаютъ сюда и днемъ веселыя дѣти Свѣтлаго Дажбога ²⁾, хошь и далеко еще до ночи и великій Хорсъ ³⁾ не успѣлъ объѣхать на золотыхъ своихъ коняхъ обиталища могучаго Сварога ⁴⁾.

— Тише! Тише! прервалъ рѣчь брата юноша Олегъ, я опять слышу, чей-то хохотъ въ чаще орѣшника. Чуръ, насъ обоихъ! Чуръ!.. Либо, то русалка аукается съ подружками, либо самъ лѣсной хозяинъ примѣтилъ насъ и зазываетъ въ свою зеленую гридницу! ⁵⁾ Что ежели прикинется, онъ упыремъ ⁶⁾ княжимъ соколомъ, чтобъ погубить насъ!—и голосъ Олега невольно дрогнулъ, говоря это:

— Смерть не страшна храбрымъ! сурово отозвался старшій братъ.

— Какая смерть, Свѣнелдъ! быстро подхватилъ младшій.—Я всегда готовъ принять ее на ратномъ полѣ, сражаясь за князя солнышко нашего Владиміра Святославовича... Но не здѣсь въ когтяхъ лѣснаго дѣда.

¹⁾ Филина.

²⁾ Наши предки славяне-язычники между другими богами поклаивались солнцу Дажь-богъ и Хорсъ его имена.

³⁾ Хорсъ богъ солнца по вѣрованію славянъ каждый день объѣзжалъ на золотыхъ коняхъ небо.

⁴⁾ Сварогъ богъ боговъ, повелитель неба, творецъ всего живущаго, остальные боги его дѣти; ихъ называли сварожичами.

⁵⁾ Гридница—хоромы, горница.

⁶⁾ Упырь—оборотень.

Нѣтъ, нѣтъ, чуръ меня! И да будутъ къ намъ милостивы боги!

Олегъ замолкъ на минуту. Потомъ спросилъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ, устремивъ внимательный взоръ въ лицо брата.

— И, какъ ты могъ упустить княжьяго Вихря, Свѣнелдъ?

— И безъ того хмурое лицо Свѣнелда нахмурилось еще больше.

— Самъ злой Чернобогъ ¹⁾ вмѣшался въ это дѣло!— произнесъ онъ мрачно, потупляя въ землю свои суровые глаза.

— Тебѣ вѣдомо, что впервые пріѣхалъ въ этотъ лѣсъ на ловы ²⁾ великій князь Владиміръ Святославовичъ. Хотѣлъ испытать новаго кречета... Сказывали князю, что не простой тотъ кречетъ, а наговоренный. Безъ промаха бьетъ птицу на лету. А принесъ Вихря въ даръ великому князю какой-то кудесникъ изъ бывшихъ Перуновыхъ жрецовъ...—Доколѣ, сказалъ, будетъ тотъ кречетъ на княжемъ дворѣ, до той поры и въ стольномъ Кіевѣ, милостію боговъ все ладно будетъ... И вотъ же, словно, на зло улетѣлъ Вихрь. Велѣлъ мнѣ солнышко-князь взять сокола отъ ловчаго и придержать покуда онъ не занадобится, а онъ, какъ взмахнетъ крылами, какъ вырветъ цѣпку, какъ взлетитъ кверху только и поминай, какъ звали... Шибко распалился на меня въ ту пору солнышко-князь и не заступись за меня, тогда княжій дядя Добрыня Никитичъ, не видать бы мнѣ пресвѣтлаго княжаго лица. Прогналъ бы меня отъ себя Владиміръ... А тутъ внялъ рѣчамъ дяди-витязя и приказалъ только съискать сокола хошь на днѣ рѣчномъ и безъ него не возвращаться.

— И сыщемъ! Сыщемъ, безпримѣнно!—прервавъ

¹⁾ Чернобогъ—темное божество злой силы.

²⁾ На охоту.

рѣчь брата, весь загораясь новымъ приливомъ отваги, вскричалъ юный Олегъ.

Свѣнелдъ только сдвинулъ брови да хмуро усмѣхнулся.

— Гдѣ искать-то? Ты еще отрокъ лѣтами!.. того не смыслишь, что исходили мы съ тобой всю Лыбедь и Почайну ¹⁾ всѣ рощи и лѣса Заднѣпровскіе, на горы ²⁾ ходили... Нигдѣ нѣтъ, словно въ воду кануль... Вотъ эту чашу еще обойти надо, а, какъ обойдешь то? Былъ-бы я одинъ — вдвое легче, а то заморилъ я тебя, мальчуга? И пошто увязался за мной?

И за минуту хмурое до этого лицо Свѣнелда, словно подернулось легкимъ ласковымъ свѣтомъ при взглядѣ на своего юнаго спутника. Этотъ суровый молодой воинъ, бившійся, какъ левъ въ рядахъ князей дружины съ врагами Кіевлянъ, по своему любилъ младшаго брата, оставленнаго покойными родителями на его попеченіе.

И Олегъ чувствовалъ это... Благодарными, любящими глазами взглянулъ онъ на старшаго брата, котораго любилъ, въ свою очередь безъ памяти и уважалъ, какъ отца. Ему, такъ захотѣлось, хоть чѣмъ-нибудь утѣшать суровое сердце Свѣнелда, прояснить хоть не много его хмурое лицо и хотя самому Олегу было далеко невесело въ эту минуту, онъ собралъ всѣ свои силы и бодро, увѣренно произнесъ твердымъ звонкимъ голосомъ:

— Велики боги! Они помогутъ намъ!

И опять оба брата съ новымъ рвеніемъ принялись за работу. Вновь застучали топоры, повалились вѣтки березъ, липъ, дубовъ и гибкіе прутья кустарниковъ... Шагъ за шагомъ пробирались они въ самое сердце лѣса. Съ испугомъ выскакивалъ на шумъ изъ

¹⁾ Рѣчки, омывавшія древній Кіевъ.

²⁾ Древнія могилы.

глубины своей норки, какой-нибудь лѣсной звѣрекъ, заяцъ или лисица и пропадалъ, такъ же стремительно, скрываясь изъ глазъ...

Въ лѣсу, между тѣмъ, стемнѣло... Надвигалась ночь... Неожиданно зоркіе глаза Олега, уже давно приглядывавшіеся къ чащѣ кустарника замѣтили узкую, вьющуюся, какъ лента тропинку и быстрѣе дикой козы, юноша бросился къ ней.

Старшій братъ поспѣшилъ за младшимъ...

Еще нѣсколько минутъ и пробравшись между двумя рядами хлесткихъ вѣтвей, немилосердно бившихъ и царапавшихъ имъ лица и руки, оба путника очутились на небольшой полянѣ, алой отъ солнечнаго заката и неожиданный возгласъ изумленія сорвался съ ихъ губъ.

II.

Посреди поляны стояла небольшая хижина, срубленная изъ толстыхъ древесныхъ стволовъ... Легкій дымокъ струился изъ отверстія; сидѣннаго въ ея крышѣ. У порога хижины на землѣ, сидѣлъ сѣдой старикъ съ длинной, какъ лунь бородою, въ бѣлой до пятъ одеждѣ изъ грубаго холста... Поверхъ рубахи, на плечахъ его былъ накинутъ плащъ изъ звѣриной шкуры... Онъ копошился въ небольшой ямѣ вырытой тутъ-же у дверей почернѣвшими отъ земли и бронзовыми отъ загара пальцами, очевидно не видя и не слыша того, что дѣлалось вокругъ него.

Братья медленно приблизились къ нему.

— Велики боги! И да сохранятъ они тебя, отецъ!— произнесъ Свѣнелдъ, низко кланяясь незнакомцу. Старикъ поднялъ голову, зоркими, какъ у юноши горящими глазами взглянулъ на пришельцевъ и произнесъ торжественно:

Долой Перуна! (Къ стр. 8).

— Да сохранить васъ Перунъ обоихъ, кто вы? Свѣнелдъ выступилъ впередъ.

— Я Свѣнелдъ, сынъ Люта, отрокъ младшей княжей дружины, а это братъ мой Олегъ, молодой пѣвецъ, баянъ, княжаго терема, будущій воинъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ нашъ погибъ въ походѣ на Ятвяговъ, а мать заколола себя на его поминальной тризнѣ, Олегъ взятъ на дворъ князя и тѣшитъ солнышко-Владимира своимъ пѣніемъ и игрой на кифарѣ.

Чѣмъ дальше говорилъ Свѣнелдъ, тѣмъ темнѣе и сумрачнѣе становилось лицо старика.

— Владимір-солнышко! — проворчалъ онъ хмурая свои и безъ того нависшія брови...— Ужъ не съ той-ли поры сталъ онъ солнышкомъ князь Владиміръ, какъ вернувшись изъ за моря привелъ съ собою поганыхъ варяговъ, да окружилъ себя ими?.. Либо съ той поры, какъ позволилъ дѣтямъ злого Чернобога христіанамъ чуть-ли не въ самомъ дѣтинцѣ Кіевскомъ, передъ очами самого великаго Перуна служить своему божеству?

Глаза старика съ юношескимъ жаромъ вскинулись на братьевъ... Что-то грозное, нетерпимое промелькнуло въ ихъ глубинѣ. Недоброе выраженіе отпечталось на его лицѣ, бронзовомъ отъ загара.

Свѣнелдъ нахмурился тоже. Его рука невольно потянулась къ рукояткѣ меча.

— Негожее говоришь ты о великомъ князѣ, отецъ,—произнесъ онъ рѣзкимъ голосомъ.—Солнышкомъ-краснымъ воистину свѣтитъ онъ на всю Русь. Гляди: ятвяги, хозары, поляки всѣ его признали, всѣ ему платятъ дань... Мощнѣе его нѣту князя въ мірѣ... А служитель какой богамъ! Не онъ-ли воздвигъ въ Кіевѣ новыя капища великому Перуну, Сварогу, Макошѣ, и другимъ... Какъ изукрасилъ ихъ!.. Што ни день, то новыя жертвы приносятъ жрецы по волѣ Владиміра Святославовича.

И чернобожцамъ христіанамъ волю даетъ строить ихъ капища и молельни, и варяговъ ихъ Одину *) кланяться не препятствуетъ и Тору **) тоже,—грозно сдвигая свои сѣдыя брови,—произнесъ старикъ. Потомъ помолчавъ немного заговорилъ снова пытливымъ взоромъ впиваясь въ лицо Свѣнельда... — Охъ, къ худу это, дѣти! Къ худу! Зачаровали христіане князя, своей лютой силой... Небось, не веселъ вашъ князь, кручинится, и пиры веселые не въ пиры ему? Сидитъ, небось, насупясь—къ брагѣ и медамъ кипучимъ не притронется, пѣсень вѣщихъ баяновъ не слушаетъ. Чело его хмуро... Очи мракомъ затмило... А правду я говорю, витязи?—съ усмѣшкой заключилъ вопросомъ свою вдохновенную рѣчь старикъ.

— Правду, отецъ, истинную правду!—неожиданно вырвалось изъ груди Олега, не вмѣшивавшагося до сихъ поръ не однимъ словомъ въ разговоръ старшихъ.

Свѣнельдъ съ угрюмымъ укоромъ взглянулъ на брата. Старикъ тоже поднялъ на младшаго пришлеца свой проницательный взглядъ и нечто похожее на улыбку промелькнуло въ его хмуромъ, недовольномъ лицѣ.

— Клянусь Перуномъ!—произнесъ онъ уже много мягче,—у меня былъ, такой-же юноша-сынъ. Онъ убить въ бою съ ятвягами... Двое старшихъ еще при князѣ Святославѣ, упокой Перунъ его храбрую душу, погибли отъ рукъ печенѣговъ вмѣстѣ съ ихъ господиномъ. Трехъ сыновей, трехъ славныхъ витязей, дали мнѣ боги и отняли обратно себѣ. Но не скорбитъ о нихъ мое сердце... Они нашли себѣ лучшую долю въ обиталищѣ могучаго Сварога. О другомъ дѣтищѣ болитъ моя душа. О вѣрѣ предковъ, о благѣ Кіевскаго народа. Колеблется вѣра, колеблются

*) „Одинъ“ у варяговъ (скандинавскихъ народовъ), главный богъ творецъ вселенной.

**) Тора, богъ грома и огня.

вѣрные сыны Перуна... Велика сила волхвовъ-христіанъ и злого ихъ Чернобога... Погибнетъ Русь... Погибнетъ князь! Разгнѣвается Перунъ, и лихо, наступитъ, лихо! И никакими силами никакими жертвами не умилиститъ его!

Послѣдніе слова старикъ произнесъ какимъ-то грознымъ, окрѣпшимъ и сильнымъ голосомъ.

Этотъ голосъ звучалъ теперь, какъ пророчество своими мощными, громовыми переливами. Старикъ не сидѣлъ уже больше, какъ за минуту до этого на землѣ. Онъ стоялъ теперь вытянувшись во весь свой высокій ростъ съ простертыми къ небу бронзовыми руками, глаза его горѣли почти безумнымъ огнемъ... Оба юноши съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣли на него. Но вотъ опустились бронзовыя руки... Потухъ дикій огонь въ глазахъ и странный хозяинъ хижины, произнесъ прежнимъ спокойнымъ голосомъ:

— Я пыталъ только что будущее по пластамъ земли, когда вы подошли къ моему порогу... Мнѣ хорошо извѣстно зачѣмъ вы пришли сюда въ нашу непроходимую чашу. Вы ищете княжаго сокола Вихря,—впиваясь въ лица обоихъ братьевъ проницательнымъ взоромъ, ронялъ старикъ.

Путники переглянулись. Теперь, безъ малѣйшаго сомнѣнья они поняли, что передъ нимъ былъ волхвъ-вѣдунъ, какихъ не мало встрѣчалось на Руси въ то далекое время. Они не успѣли еще отвѣтить старику, что онъ правъ и что они подлинно ищутъ пропавшаго сокола, какъ послѣдній, повернулъ голову къ дверямъ хижины и крикнулъ ударивъ въ ладоши.

— Эй, Мара ступай сюда!

Новый легкій возгласъ изумленія вырвался одновременно изъ груди обоихъ братьевъ.

На порогѣ хижины стояла дѣвушка рѣдкой красоты, а на плечѣ ея, нѣжно ласкаясь объ ея румяную щечку